

ОБРАЗ ТАКСИ КАК ПАРАДОКС МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И БУРЖУАЗНОЙ МОРАЛЬЮ В РОМАНЕ «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК» И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

Роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», изданный в 1931 году, является классикой советской сатирической прозы, в которой под внешним слоем комического повествования скрывается острая критика социального лицемерия, бюрократизма, догматизма и бытового шизофреницизма, ярко проявившихся в повседневной жизни в начале XX века в период построения Советского государства. В этом контексте тема транспорта, особенно такси, кажется второстепенной, но при внимательном анализе она становится ключевым маркером социального положения, идеологических конфликтов и разрывов между советской теорией и советской практикой, о чем свидетельствует историко-культурный аспект использования такси в 1920–1930-е годы XX века.

Так, в послереволюционной России такси остаётся символом дореволюционного, «капиталистического» уклада жизни. Это не просто транспорт, а атрибут определенной привилегии, достатка, индивидуального комфорта: *«К воротам сада, непрерывно ахая и стреляя, подъехал зеленый автомобиль, на дверце которого была выведена белая дугообразная надпись: "Эх, прокачу!"* Ниже помещались условия прогулок на веселой машине. В час – три рубля. За конец – по соглашению. Пассажиров в машине не было. Посетители сада тревожно зашептались. Минут пять шофер просительно смотрел через садовую решетку и, потеряв, видно, надежду заполучить пассажира, вызывающе крикнул:

– Такси свободен! Прошу садиться! Но никто из граждан не выразил желания сесть в машину "Эх, прокачу!". И даже самое приглашение шофера подействовало на них странным образом. Они понурились и старались не смотреть в сторону машины» (рисунки 1).

Этот эпизод ярко демонстрирует, что такси в советской провинции конца 1920-х годов воспринималось как чужеродная роскошь. Даже при наличии возможности прокатиться, советские граждане инстинктивно отказываются – сказывается внутренний моральный барьер. Исторические свидетельства подтверждают такую реакцию: современники вспоминали, что население относилось к такси как к элементу подозрительной роскоши. Журнал «За рулём» в 1928 году отмечал, что люди «привыкли смотреть на такси как на какую-то триумфальную колесницу шулеров и растратчиков», и любой гражданин, открывающий дверь таксомотора, казался окружающим «прожигателем казённых состояний, кутилой и пьяницей».

Рисунок 1 – Автомобиль-такси
(фрагмент из художественного фильма «Золотой телёнок»)

Не случайно даже спустя десятилетия в культовой кинокомедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» прозвучала ставшая крылатой фраза: «Наши люди в булочную на такси не ездят» – показатель того, насколько прочно укоренилась мысль, что порядочный человек не станет пользоваться такси для обыденных нужд.

Такси – это не просто средство передвижения, а как мы видим на протяжении повествования, признак статуса, временная капсула «личного пространства», воплощение буржуазного образа жизни, проникающего в советский контекст. Оно служит как буквальным, так и метафорическим способом преодоления пространств и границ – социальных, идеологических и даже эстетических: *«Порода машины была неизвестна, но Адам Казимирович утверждал, что это «лорен-дитрих». В виде доказательства он приколотил к радиатору автомобиля медную бляшку с лорен-дитриховской фабричной маркой. Оставалось приступить к частному прокату, о котором Козлевич давно мечтал».*

На фоне советской повседневности, где массовость, аскетизм и уравниловка – идеологическая норма, такси воплощает идею исключения, разрыва с коллективизмом. В условиях Новой экономической политики такси частично возвращается в городское пространство, но с оттенком двусмысленности: оно – часть модернизации, но модернизации «не той», «неправильной», не из пролетарской мечты. Именно через образ такси авторы показывают противоречие и парадокс действительности того времени.

В советской идеологии 1930-х годов такси оказывается двойственным символом. С одной стороны, индустриальный прогресс, гордость модернизации, признак урбанистического будущего, а с другой – частная услуга, комфорт, индивидуализм, ассоциирующиеся с буржуазным стилем жизни, от которого советская культура демонстративно отказывалась. Это делает такси (особенно в руках Остапа Бендера) парадоксальным объектом: элементом и одновременно нарушением официальной нормы (таблица 1).

Таблица 1 – Краткая характеристика причин проявления парадокса

Такси как парадоксальный объект	Парадокс между советской реальностью и буржуазной моралью
Такси – буржуазный символ и атрибут привилегии и достатка	В послереволюционной России такси: – символ дореволюционного, «капиталистического» уклада жизни; – идея исключения, разрыва с коллективизмом; – модернизация «неправильной», не пролетарского обустройства жизненного пространства условиях нэпа
Такси – метафора «западного» и «личного»	Такси – предмет индивидуального пользования, в котором можно ехать в одиночку, выбирать маршрут и не делить пространство с толпой
	Такси – антиколлективное пространство: микромир, в котором человек сам себе хозяин – идея глубоко несоответствующая советской идеологии
«Автомобиль не роскошь, а средство передвижения»	Такси – ценность потребительского общества и искус соблазна для советского гражданина, но и повод для иронии
Пассажиры такси	Маргиналы «вне идеологии»: Остап Бендер, спекулянты, авантюристы, карьеристы

Такси в романе «Золотой телёнок» – это транспорт между мирами, который не просто передвигает героев по карте, оно перемещает их между реальностями: советским порядком и буржуазной эстетикой, дефицитом и избытком, нормой и исключением. Оно является объектом насмешки и символом мечты. Смех Ильфа и Петрова разрушает сакральность такси, но сами персонажи и читатель продолжают видеть в нем обещание «лучшей жизни», хоть и фальшивое. Эта двойственность такси усиливает фактор его парадоксальности, делая совершенным метафорическим объектом: оно реально и абсурдно, буднично и привилегированно. При этом авторы акцентируют внимание читателей на парадоксе власти и иллюзии. Такси в руках Остапа Бендера – это временная власть, основанная на иллюзии. Он не владеет им, но умеет манипулировать его значением. Это отражает более широкий парадокс: можно быть никем – и всё равно выглядеть кем-то, если ты владеешь культурным кодом, знаками, жестами. Такси – символ этой «фиктивной буржуазности», допускаемой системой как отклонение, но не как альтернатива.

Следует также отметить эстетический парадокс романа: мораль вне морали. Например, Остап Бендер – аморален, но обаятелен. Он пользуется

символами власти (в том числе такси), не имея ни власти, ни прав. Эта двойственность порождает парадокс образа такси, ярче всего проявляющийся как раз в руках Остапа Бендера. Его «Антилопа» – предмет гордости техническим прогрессом (автомобиль, освоивший бездорожье), но при этом средство частного обогащения и комфорта. Бендер пользуется благами новой техники вовсе не для строительства социализма, а для собственной аферы – в чисто капиталистическом духе, предполагая с его помощью добыть миллион. Он, по сути, паразитирует на достижениях системы, маскируясь под ее представителя.

Сатирический пафос Ильфа и Петрова во многом заключается в том, что герой-авантюрист эксплуатирует противоречия советской реальности. Декларируемый прогресс позволяет ему, чуждому этому прогрессу по духу, добиться своих целей. Однако авторы показывают и обратную сторону. Когда дело доходит до финала, настоящая советская жизнь оставляет Остапа позади. В кульминационной сцене автопробега реальность догоняет и перегоняет вымышленный экипаж «Антилопы». Как метафорично замечено в тексте, *«настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями»*, оставив искателям приключений лишь бензиновый выхлоп позади. Бендер и его команда, осыпанные пылью, остаются в стороне от триумфального шествия прогресса. Этот эпизод символизирует неизбежное торжество новой реальности над героями-индивидуалистами: частник вынужден уступить дорогу социалистическому проекту.

Образ такси в «Золотом телёнке» является парадоксальным объединяющим звеном между двумя мирами: старым капиталистическим и новым советским. Такси – дитя технического прогресса – оказывается также носителем «буржуазного» начала вопреки официальной морали. Оно демонстрирует разрыв между идеологией и жизнью, на словах – отвергаемое, на деле – существующее и даже необходимое. Через этот образ Ильф и Петров тонко высмеивают «двойную бухгалтерию» советского общества, где, с одной стороны, провозглашаются аскетизм и равенство, а с другой – продолжают тихо цениться комфорт, скорость и личные блага.

Таким образом, проведенный анализ романа и рассмотрение его с учетом исторического контекста показали, что такси в повествовании Ильфа и Петрова является емким символом эпохи, отражающим ее переходность и противоречия между бедностью и достатком, коллективизмом и индивидуализмом, официальным прогрессом и неофициальной тягой к уюту. Авторы романа, обладая тонким чувством юмора и сатиры, показали, как в обыденной детали – поездке на такси – раскрывается социальный конфликт.

Парадокс такси в том, что оно одновременно вписывается в советскую реальность и выпадает из нее, как атрибут модерна, пришедший из «чуждого мира». В романе «Золотой телёнок» этот парадокс использован для разоблачения того, как непросто было людям жить по новым правилам. Ведь

даже строя социализм, человек начала XX века в глубине души не переставал мечтать о комфортной машине, личном пространстве и свободе перемещения – обо всём том, что обещал буржуазный мир. И пока «железный конь» уверенно приходил на смену крестьянской лошадке, старые мечты и соблазны продолжали жить в народном сознании. Образ такси в произведении Ильфа и Петрова остроумно высвечивает эту несовместимость идеалов и реальности, становясь одним из центральных символов сатиры на новую действительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Ильф, И. И. Золотой телёнок / И. И. Ильф, Е. П. Петров. – М. : АСТ, 2007. – 448 с.

2 История такси в России. – URL: <http://www.gruzovikpress.ru/article/13637-istoriya-taksi-v-rossii-genezis-rossiyskogo-tak-somatora> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 656.2:115

Т. А. ВЛАСЮК

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ КАК МЕТАФОРА ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ ХАРУКИ МУРАКАМИ «НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС»

Роман «Норвежский лес» Харуки Мураками, изданный в 1987 году, – это не просто роман, это многослойная реальность и фантазия, которые тесно переплетаются и словно тихий шепот проникают в самые сокровенные уголки души, вызывая у читателей гамму эмоций.

Роман разворачивается в Японии 1960-х годах, в пору студенческих волнений и поисков нового пути. Здесь на фоне больших исторических и социальных изменений возникают отношения, которые становятся не просто любовными переплетениями, а отражениями вечных вопросов: кто мы и зачем? В центре повествования – молодой Ватанабэ, который осознает, что *«взросление – это не просто переход через год, а цепь потерь, открытий и личных трагедий»*.

Однако роман «Норвежский лес» – это повествование не только о внешнем мире, но и внутреннем. Мураками создает атмосферу, наполненную неуловимым, чуть печальным светом, где каждое действие, каждая фраза или взгляд становятся символами чего-то большего, что всегда остается на грани осознания, но никогда не доходит до окончательного завершения.

Ватанабэ, Наоко, Мидори – их имена и судьбы становятся «отпечатками душ», поглощенных поиском смысла. Наоко, потерявшая свою внутреннюю гармонию, Мидори, живущая вне времени и пространства, – не похожие на других, они тем не менее являются зеркалами каждого из нас, когда мы ищем свое место в мире.